

— Ну так что, хочешь сделать это прямо здесь, рядом с этим безвольным ублюдком? Я не против.

Прежде чем я успел осознать это, он оказался прямо передо мной, шепча едва слышно. Так сладко, будто поверял сокровенную тайну. В горле пересохло, и я с трудом сглотнул.

— Что за... Херню ты несешь.

Но то, что вырвалось из меня, не имело ничего общего с вежливостью — это был рык. Все мысли о профессиональном этикете курьера испарились. Константин склонил голову в притворном разочаровании.

— Какие грубые слова, Солнышко. Ты вгоняешь меня в краску.

— Пошел на хрен.

— Я никогда раньше не покупал шлюх, так что просвети меня — если ты скалишь зубы и рычишь на клиента, цена за это растет?

Константин издал задумчивое «хм» и потер подбородок кончиками пальцев. Его лицо и тон выражали искреннее любопытство. Тошнотворное любопытство.

— А может и нет. Ты ведь только что был так ласков с Дэниелом? Словно котенок, выставяющий напоказ всё свое очарование.

От этого будничного вопроса я до боли стиснул зубы. Если я открою рот, из него хлынут только проклятия.

Вместо этого я сдержался и медленно выдохнул. Я понимал, что слепая ярость сейчас — всё равно что попытка разбить скалу яйцом. Наркотик мешал контролировать эмоции, но я обязан был терпеть. Иначе последствия будут фатальными.

— ... Если цена будет подходящей, я могу быть и диким уличным котом, и ласковым домашним зверем. Как пожелает клиент.

— Мой вкус — не кошки. Скорее собака — послушная, виляющая хвостом у моих ног.

— Можешь не распинаться. Мне плевать на твои вкусы.

Я наконец сорвался, выплюнув резкие слова. Мой взгляд буквально прожигал его. Но Константин лишь снисходительно улыбнулся, словно его забавлял мой бесполезный протест.

— Любопытный ответ. Говоришь, что сделаешь что угодно за деньги, но заявляешь, что мои вкусы не важны. Разве я только что не сказал, что заплачу?

— Я не говорил, что возьму твои деньги.

— Ты не расслышал мое предложение в двадцать тысяч? Или двадцати мало?

— Да. Слишком мало.

Ответ сорвался с губ прежде, чем я успел его остановить, и я зажмурился. Наркотик мутил рассудок, зрение плыло — фигура Константина двоилась и троилась перед глазами. Сейчас было не время валяться здесь, но ясность не возвращалась. На языке горчили ругательства.

— И не подозревал, что тело Солнышка стоит так дорого. Тогда почему бы тебе самому не назвать цену? В конце концов, прошло десять лет с нашей последней встречи. Столько-то ты можешь для меня сделать.

Он звучал великодушно, но его изумрудные глаза стремительно холодели. Откажи я ему еще раз, и в этот раз он действительно может переломить мне горло. Он был из тех людей, кто на это способен.

Горький смех вырвался из груди. Оказывается, я не забыл о нем ни единой детали, верно?

Я снова и снова клялся себе забыть его, и всё же я здесь, помню всё — каждую черточку, каждую тень. Смехотворно. Жестокая комедия.

— Я сам выбираю клиентов. Так что для тебя у меня цены нет.

Слова давались с трудом, каждый слог я буквально выгрызал. Это была не гордость, а чистая ненависть к самому себе.

Мало кто пытался купить кого-то настолько никчемного, как я. И даже тогда высшей ценой была, может, тысяча долларов. Но двадцать тысяч? Безумнее Дэниела, который только что предложил десять за быстрый перепах.

Ради таких денег мне следовало бы заткнуться и кивнуть. Только дурак откажется. Именно так и хватают удачу, когда она катится к твоим ногам.

Но это был Константин. Человек, заставивший остатки моей гордости всплыть на поверхность. Человек, рядом с которым двадцать тысяч казались не искушением, а унижением. Человек, которого я никогда больше не хотел видеть в своей жизни.

— Ломаешься, значит. Отшиваешь клиентов, выбираешь, привередничаешь. Должно быть, дела у тебя идут в гору.

— Да. Вполне неплохо.

— Что ж, полагаю, щедрость Дэниела делает твоё ремесло прибыльным.

Его задумчивый взгляд был странным. Возможно, он находил это абсурдным — опустившаяся торчковая шлюха на самом дне отказывается от двадцати кусков.

Но даже в сточной канаве у человека должно быть хоть что-то, на что он скажет «нет».

— Если ты понял, тогда — кх-х!

Остальное застряло в горле. Константин поднял ногу и с силой наступил мне на грудь и шею. Мое тело вдавило в диван, дыхание перехватило. Его холёная нога была тяжелой, как чугун, полностью пригвоздив меня к месту.

— И что с того? Какое мне дело до того, кого ты там выбираешь?

— Я... Тебе... Не продаюсь!

Ярость вырвалась наружу вместе с криком. Но его ступня не сдвинулась с моей груди. Напротив, он наклонился, надавливая сильнее. Мои ребра затрещали, готовые вот-вот лопнуть.

— Неужели я звучал так, будто делаю предложение, от которого можно отказаться?

— Кх-х...

— Хм. Тогда, возможно, я неправильно выразился.

Константин наклонился совсем близко и прошептал. Лицо его было спокойным, тон — мягким, но мне не нужны были объяснения, чтобы понять: его настроение стало чернее ночи.

Мои плечи инстинктивно сжались. Не из-за его ноги, а из-за того давящего веса, что он источал. Он крал даже мой воздух.

— Когда-то ты славился своим острым умом. Зачем сейчас прикидываться таким идиотом? Наркотики окончательно разъели твой мозг?

Его рука откинула мои волосы назад — этот жест был нежным, что чудовищно контрастировало с тяжестью, давящей на грудь.

— Твоя работа проста — бери мои деньги и делай, что я велю. Ты ведь обслуживаешь Дэниела, верно? Значит, ты не новичок. У тебя должно хватить мозгов, чтобы понимать такие вещи. Зачем строить из себя недотрогу?

Он попал в точку. Дэниел не был обычным клиентом — он был одним из немногих VIP-персон. Курьер, имеющий дело с Дэниелом, не был бесхитростным салагой.

И да, любое требование Дэниела должно было исполняться беспрекословно. Соответственно, его гость, Константин, заслуживал такого же VIP-отношения. Таково было правило.

Я не был слеп. Пять лет в этом мире обостряют инстинкты, хочешь ты того или нет. Эта острота была единственной причиной, по которой я до сих пор выживал, единственной причиной, по которой мне доверяли кого-то вроде Дэниела. Но рядом с Константином эти инстинкты давали сбой.

— Зачем... Зачем ты это делаешь? Тебе же всегда было плевать, так почему сейчас?

Слова вырывались вместе с рваным дыханием. Я боролся с его ногой, пытаюсь вырваться, но всё, чего я добился — жалкое копошение насекомого, придавленного камнем.

— Плевать? Это правда. Тело, пошедшее по рукам, вызывает у меня отвращение.

— Тогда почему!..

— И впрямь, почему. Может, потому, что старая игрушка, с которой я когда-то забавлялся, вдруг стала выглядеть интереснее, чем раньше.

Словно кот, играющий с мышью, Константин надавил на меня еще сильнее, улыбаясь и прищурился. Ярость вскипела, вырываясь на волю.

— Да ты, блядь, издеваешься надо мной. Какая еще игрушка!

Крича, я вцепился в ногу, давившую мне на горло и грудь. Это был чистый импульс. Даже понимая, что он прав — что я должен подчиниться без вопросов, — я не мог просто лежать и терпеть. Потребность сопротивляться взорвалась внутри меня.

— Что такое? Хочешь лизнуть мою ногу, как раньше?

Но Константин лишь вытащил на свет прошлое. Спокойно, хладнокровно, до безумия невозмутимо.

Я отдернул руки, словно обжегся. Жар накрыл меня с головой. Дыхание стало таким тяжелым, что моя грудь ходила ходуном. Щеки, уши и шея мгновенно вспыхнули пунцовым.

— Твою мать... Хватит нести этот бред.

— Я предупреждал тебя следить за языком.

— Да пошел ты! Я тебе ничего не продаю. И не возьму твои гребаные деньги!

— Ты переходишь границы. Не наглей. Шлюха, которая становится слишком смелой, долго не живет.

Весь мой оскал лишь доказывал то, что я и так знал — слова до него не дойдут. Моя стиснутая челюсть дрожала, зубы постукивали, как от холода.

— Долго не живу? И что, ты меня изнасилуешь? Давай. Как только я выйду отсюда, я побегу напрямиком в полицию.

— В полицию...

— Что? Думаешь, не смогу? Ошибаешься. Я делал это раньше, и не раз, и я могу устроить тебе реальные проблемы.

— Вот как?

Его усмешка была острой как бритва. И всё же я не отступил.

— Это будет еще проще, если речь о ком-то знаменитом, как ты. Желтые газетенки спят и видят подобные скандалы. Уверен, ты и сам это знаешь.

— Тогда попробуй.

Страх или ярость — я не мог разобрать. Мои руки стали холодными как лед. Я сжал кулаки прежде, чем они окончательно онемели. Ногти впились в ладони. Боли я не чувствовал.

— ... Твои глаза полны яда, — наконец заговорил Константин. — Ты действительно стал другим человеком.

От его нелепых слов перед глазами всё покраснело от гнева.

— И всё же... Признаю. Сейчас ты выглядишь лучше, чем раньше.

Кончик его пальца скользнул под моим покрасневшим глазом. Я дернул головой, уклоняясь от прикосновения. Его рука на миг зависла в воздухе, а затем опустилась, не нанеся удара. Неожиданно.

— Но если у тебя нет запасной жизни, не стоит выставлять свою дерзость напоказ.

— Как ты и сказал — я теперь торчковая шлюха. Чего мне еще бояться?

Слова вылетали необработанными, как есть. Наркотик жег меня изнутри, ярость закипала. Всё, на что меня хватало — это не сорваться на крик в этой ебанутой обстановке. Я просто хотел уйти. Прочь из этого кошмара.

— Посмотри на себя. Десять лет — и ты стал забавным. Так хорошо лаешь.

Внезапно Константин рассмеялся. Вся ситуация — это адское совпадение — была для него лишь развлечением. Это осознание выкачало из меня все силы. Нахлынула пустота, горькая и до боли знакомая.

— Значит, раньше я не был забавным, так?

— А ты ожидал, что был? Прошу тебя. Это было бы слишком многого требовать.

Как ни странно, его голос — спокойный, как всегда — охладил мою лихорадочную голову. Я всегда знал, что он обо мне думает. И всё же, услышав это сейчас, я невольно ссутулился.

— Не забавный, значит? Жаль. Может, если бы я лаял как пес, тебе было бы весело.

Сарказм вырвался прежде, чем я успел себя остановить. Будь у меня хоть капля контроля, я бы проглотил его. Проигнорировал бы. Но я не мог. Не сейчас.

— Тогда начинай прямо сейчас. Лай сколько влезет. Громко, как собака. Компенсируй то, чего не делал раньше.

С кривой ухмылкой Константин убрал ногу с моей груди — только для того, чтобы схватить меня за воротник и вздернуть вверх. Его сила была ошеломляющей. Мое обмякшее тело взлетело с пола без всякого сопротивления.

— Кх! Какого...

Не успел я договорить, как он швырнул меня на диван. Мое тело рухнуло на малиновые подушки мертвым грузом. Голова закружилась еще сильнее.

Сжимая гудящий череп, я слабо пополз по дивану, отчаянно пытаюсь спастись. Куда угодно, лишь бы подальше от него. Но мне не позволили даже этого. Он перехватил мою лодыжку и дернул назад, словно бумажную куклу.

— Отпусти! Я сказал, отпусти!

Мои крики разбивались впустую. В мгновение ока он распластал меня животом на подлокотнике дивана, заставив принять унижительную позу с поднятыми бедрами.

— Ты обещал лаять как собака. Давай. Я слушаю.

— Ты..!

— Что? Слишком стыдно? Тогда мне самому заставить тебя заскулить?

<http://bllate.org/book/16515/1503312>